

Заглавие документа: Занковец О.В. ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 10 – 16.

Авторы: Занковец Оксана Васильевна

Тема: Переводоведение

Дата публикации: 2012

Издатель: Белорусский государственный университет

Аннотация: *Изучение влияния фактора гендера на выбор языковых средств в различных языках является новой областью исследования в антропологической лингвистике. Общий для многих лингвистических направлений принцип «человека в языке» вполне согласуется с учетом гендерного фактора. Обнаружение и описание специфики гендерного вербального поведения – одна из актуальных задач гендерной лингвистики. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что проблема гендерного перевода заслуживает пристального внимания и дальнейшего изучения. Различия «женского» и «мужского» перевода не всегда очевидны и однозначны, однако определенные доминирующие тенденции особенностей женского и мужского стилей перевода отчетливо обнаруживают себя на лексическом и синтаксическом уровнях текста.*

Занковец О.В.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Сегодня гендерные исследования в области языка и коммуникации привлекают внимание все большего круга специалистов, формируется самостоятельное научное направление – лингвистическая гендерология, называемая также гендерной лингвистикой. Изучение влияния фактора гендера на выбор языковых средств в различных языках является новой областью исследования в антропологической лингвистике.

Общий для многих лингвистических направлений принцип «человек в языке» вполне согласуется с учетом гендерного фактора. Понятия «мужественность» и «женственность» при всей их общечеловеческой универсальности имеют определенную национально-культурную специфику.

Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. В то же время во всех культурах соблюдаются различия между полами, и как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т. е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Обнаружение и описание специфики гендерного вербального поведения – одна из актуальных задач гендерной лингвистики [2].

Осмысление пола происходит не только как природного, но и как конвенционального феномена. В контексте такого подхода были сформулированы общие принципы гендерных исследований, важнейший из которых – признание конвенциональности гендера, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах. При изучении коммуникации и других феноменов, связанных с речью, современные исследователи признают гендер фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций (так называемый «плавающий» параметр) [2].

Сегодня речь идет не столько о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование [1].

Мы решили рассмотреть, как процессы гендерной идентичности прослеживаются на материале текстов художественного дискурса. Наша задача заключалась в определении роли гендерного аспекта в практике перевода художественных текстов. Материалом для настоящего исследования послужили фрагменты оригинальных художественных произведений и варианты их перевода на русский язык, выполненные переводчиками мужчинами и женщинами. В ходе эксперимента мы попытались выявить различия в интерпретировании разными переводчиками одного исходного текста, и на основе такого анализа определить, кто является автором конкретного варианта перевода: мужчина или женщина. Результаты исследования позволили сделать довольно неоднозначные выводы.

С одной стороны, неправомерно утверждать, что гендер в каждом случае является определяющим фактором, поскольку и переводчик-мужчина и переводчик-женщина для достижения адекватности перевода оригинальной версии пользуются одинаковыми средствами перевода и тем самым достигают сходных результатов. Следует отметить, что данный факт существенно осложнял, а в некоторых случаях делал практически невозможным, определение гендерной принадлежности авторов перевода.

С другой стороны, в отдельных случаях нам все же удалось отметить определенные повторяющиеся тенденции в различиях мужской и женской версий интерпретации исходного текста, что позволило вполне успешно определить гендерную принадлежность авторов переводов.

Правомерно, на наш взгляд, утверждать, что для «мужского» перевода, как правило, более характерны краткость и лаконичность изложения и особое остроумие. Мужчинам-переводчикам лучше удается передать юмор. Мужчины предпочитают оперировать общими категориями, с более объемным предметно-логическим полем, в то время как женщины гораздо чаще дифференцируют понятия, конкретизируя и детализируя излагаемое.

«Мужские» переводы отличаются большей прямоотой, логичностью, мужчины в большей степени склонны к употреблению лексики сниженного стиля и терминов. Переводы женщин более образны и эмоциональны. В отличие от мужчин, которые, как правило, выбирают простые предложения, женщины предпочитают более сложные синтаксические структуры с развернутыми вводными конструкциями, причастными и деепричастными оборотами, чаще используют описательные средства.

Однако не следует принимать данные выводы за абсолютное правило, поскольку, как отмечалось выше, не всегда различия очевидны, что может быть обусловлено как личными качествами переводчика, так и особенностями оригинального текста.

Так, например, оригинальную фразу «... *it was the portrait of a young girl just ripening into womanhood*» (Э. По «Овальный портрет»), переводчики передают следующим образом:

- 1) «портрет молодой девушки, только что развившейся до полной женственности» (К. Бальмонт) (1);
- 2) «портрет совсем юной, едва расцветшей женщины» (Н. Галь) (2);
- 3) «портрет юной, только расцветающей девушки» (В. Рогов) (3).

Версия 1 несколько отличается от остальных по использованию выразительных средств, но едва ли здесь имеют место гендерные различия. В версиях 2 и 3 для перевода английского глагола «*ripen*» («зреть, созреть»), используемого в оригинале вполне удачно на наш взгляд, предлагается глагол «расцветать». Таким образом, в оригинале и в переводах 2 и 3 использованы слова одной лексико-семантической группы, что позволяет передать интересную метафору оригинала. Версии 2 и 3 довольно схожи, несмотря на то, что автором перевода 2 является женщина, а вариант 3 принадлежит мужчине.

Следующий пример перевода фразы «...*the frolicsome as the young fawn; loving and cherishing all things, hating only the Art, which was her rival...*» более наглядно демонстрирует именно гендерные различия в переводе:

- 1) «шаловлива, как молодая лань: она любила и лелеяла все, к чему ни прикасалась: ненавидела только Искусство, которое соперничало с ней...» (К. Бальмонт) (1);

2) *«резвая как молодая лань; ко всему на свете питала она любовь и нежность, и ненавистна ей была лишь ее соперница – Живопись...»* (Н. Галь) (2);

3) *«шаловливая, как молодая лань, ненавидела одну лишь Живопись, свою соперницу...»* (В. Рогов) (3).

Мы видим, что авторы версий 2 и 3 используют более экспрессивную лексическую единицу «соперница», что, на наш взгляд, является характерным скорее для «женского» перевода. Более того, Н. Галь (2) акцентирует это слово, поставив его перед определяемым словом, используя двойную экспрессию. Это дает основание утверждать, что этот вариант перевода принадлежит женщине. Версия В. Рогова (3) более лаконична, переводчик использует прием опущения, что в некоторой степени ведет к снижению эмоциональности изложения. В этом случае можно предположить, что автор версии 3 мужчина. В случае с версией 1 довольно сложно определить гендерную принадлежность автора перевода, что подтверждает современную теорию о гендере как о «плавающем» параметре в языке.

Рассмотрим еще несколько примеров перевода ряда отрывков из новеллы «Лигейя» («Ligeia») Э. По:

<p>Е. Пое «Ligeia»</p>	<p>...I regarded the sweet mouth. Here was indeed the triumph of all things heavenly – the magnificent turn of the short upper lip – the soft, voluptuous slumber of the other – the dimples which sported, and the color which spoke – the teeth glancing back, with a brilliancy almost startling, every ray of the holy light which fell upon them in her serene and placid, yet most exultingly radiant of all smiles....</p>
<p>Э. По «Лигейя» (пер. И.Гуровой) (1)</p>	<p>...Я взирал на сладостный рот. Он поистине был торжествующим средоточием всего небесного – великолепный изгиб короткой верхней губы, тихая истома нижней, игра ямочек, выразительность красок и зубы, отражавшие с блеском, почти пугающим, каждый луч священного света, когда они открывались ему в безмятежной и ясной, но также и самой ликующе-ослепительной из улыбок...</p>
<p>Э. По «Лигейя» (пер. В. Рогова) (2)</p>	<p>...Я любовался прелестными устами. В них воистину заключалось торжество горного начала – великолепный изгиб короткой верхней губы, нежная, сладострастная дремота нижней, лукавые ямочки, красноречивый цвет, зубы, что отражали с почти пугающей яркостью каждый луч небесного цвета, попадавший на них при ее безмятежной, но ликующе лучезарной улыбке...</p>

Итак, в переводе 1 И. Гуровой мы видим более строгое следование тексту оригинала. В то время как в версии 2, принадлежащей В. Рогову, переводчик действует смелее при выборе лексических средств (*...here was indeed the triumph of all things heavenly... – ...в них воистину заключалось торжество горного начала...*). Это свидетельствует о том, что мужчины-переводчики более свободны в выборе выразительных и эмфатических средств. При этом следует отметить, что версия перевода 2 более лаконична, компактна, в ней более четко выстроены фразы.

В том, что для версий мужчин-переводчиков более характерна краткость и лаконичность, в них больше опущений и сокращений, в отличие от женских переводов, мы могли убедиться на примере рассмотренных вариантов перевода сказки О. Уайльда «Замечательная ракета» («The Remarkable Rocket»):

<p>O. Wilde. «The Remarkable Rocket»</p>	<p>О.Уайльд «Замечательная ракета» (пер. Т. Озерской) (1)</p>	<p>О.Уайльд «Замечательная ракета» (пер. П. Сергеева, Г. Нуждина) (2)</p>
<p>At the gate of the Castle the Prince was waiting to receive her. He had dreamy violet eyes, and his hair was like fine gold. When he saw her he sank upon one knee, and kissed her hand.</p>	<p>Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные фиалковые глаза и волосы как чистое золото. Увидав принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.</p>	<p>У ворот замка ее уже ждал Принц. Он опустился на одно колено и поцеловал руку своей невесты.</p>
<p>«Your picture was beautiful», he murmured, «but you are more beautiful than your picture»; and the little Princess blushed.</p>	<p>«Ваш портрет прекрасен», – прошептал он, – «но вы прекраснее во сто крат!» И щеки маленькой Принцессы заалели.</p>	<p>«Ваш портрет был красив, но вы прекрасна», – промолвил он. И нежный румянец покрыл лицо принцессы.</p>
<p>«She was like a white rose before», said a young Page to his neighbour, «but she is like a red rose now»; and the whole Court was delighted.</p>	<p>«Она была похожа на Белую розу», – сказал молодой Паж кому-то из придворных, – «но теперь она подобна Алой розе». И это привело в восхищение весь двор.</p>	<p>«Белая роза стала алой», – шепнул своему соседу юный паж.</p>

Следует отметить, что в данном случае определить, какая версия принадлежит мужчине, а какая – женщине, оказалось довольно легко. В первую очередь, по причине краткости и лаконичности версии 2.

При сравнении версий перевода следующих отрывков из того же произведения О. Уайльда «Замечательная ракета», можно наблюдать еще некоторые различия в мужском и женском переводе:

O. Wilde. «The Remarkable Rocket»	О.Уайльд «Замечательная ракета» (пер. Т. Озерской) (1)	О.Уайльд «Замечательная ракета» (пер. П. Сергеева, Г. Нуждина) (2)
«Pray, what are you laughing at?» inquired the Rocket; «I am not laughing».	– Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? – осведомилась Ракета. – Я же не смеюсь.	«Что это тебя рассмешило?» – мигом отозвался Патрон. – «Я не смеялся».
«I am laughing because I am happy», replied the Cracker.	– Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, – отвечала Петарда.	«Мне весело, потому что я счастлива», – ответила Петарда.
«That is a very selfish reason», said the Rocket angrily. «What right have you to be happy? You should be thinking about others. In fact, you should be thinking about me.»	– Это весьма эгоистичная причина, – сердито промолвила Ракета. – Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы подумать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне.	«Смех без причины - признак дурачины», - сердито сказал Патрон. – Кто дал тебе право смеяться? Надо думать о других, а лучше всего – обо мне.

В версии перевода 2 (П. Сергеевой, Г. Нуждиной) мы можем наблюдать некоторые стилистические сдвиги в сторону понижения стиля, даже огрубления речи, например, при переводе фразы «*That is a very selfish reason*» – «**Смех без причины – признак дурачины**»; а также при использовании местоимения второго лица единственного числа **ты** («*Pray, what are you laughing at?*» – «**Что это тебя рассмешило?**»), в отличие от версии перевода 1 (Т. Озерской), где автор использует местоимение множественного числа **Вы** («*Над чем это Вы смеетесь, позвольте узнать?*»). Мы можем наблюдать более четкое следование тексту оригинала в версии перевода 1 и некоторые незначительные опущения в версии 2. Также следует отметить, что авторы переводов по-разному передают имя сказочной героини *Rocket* – **Ракета** (перевод 1) и **Патрон** (перевод 2).

В результате проведенного исследования мы убедились, что проблема гендерного перевода заслуживает того пристального внимания, которое ей

сейчас уделяется, и дальнейшего изучения. Нельзя отрицать тот факт, что различия «женского» и «мужского» перевода действительно существуют, их можно заметить как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. И хотя эти различия не всегда столь очевидны и мы не можем утверждать об однозначности данной теории, все же стоит, на наш взгляд, говорить о некоторых тенденциях особенностей мужского и женского стилей перевода.

Идеальным можно было бы считать перевод, в котором нет никаких признаков, указывающих на то, кто является его автором – мужчина или женщина, т. е. гендерно нейтральный перевод. Однако, как мы убедились в ходе нашего исследования, такого результата достичь практически невозможно. Кроме того, здесь, безусловно, необходимо принимать во внимание как самих авторов произведений, так и личностные качества переводчика, его характер, темперамент, особенности мировосприятия, которые неизбежно отражаются в переводе, а также школу перевода, к которой принадлежит переводчик, его переводческий почерк.

Литература

1. Дробышева, Т.В. Художественный текст в гендерном аспекте / Т.В. Дробышева // Вестник ВГУ. – 2008. – № 1. – С. 34 – 37.
2. Кирилина, А.В. Лингвистические гендерные исследования / А.В. Кирилина, Томская М. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>. – Дата доступа: 22.03.2012.
3. Collier M.J., Thomas M. Cultural identity: An interpretive perspective // Theories in intercultural communication; Y.Y. Kim, W.B. Gudykunst (eds.). – Newbury Park, 1988. – P. 99 – 122.